

А. Ф.
ВЕЛЬТМАН

Александр Вельтман

Райна, королевна Болгарская

«Public Domain»

1843

Вельтман А. Ф.

Райна, королевна Болгарская / А. Ф. Вельтман — «Public Domain», 1843

«...Не стало Святослава. Бросился было Свенальд с пешей дружиной на помощь ему; но в орде раздавались уже исступленные клики победы. Свенальд отступил в замок. Дружина высыпала на ограды, а Воян на вершине башни стоял уже на коленях перед Райной. Райна сидит на скамье, склонив голову на перила, покоится тихим сном. Ветер играет покрывалом, обвеивает ее. Но сон ее вечен. Вонзившаяся стрела облита кровью ее сердца. И Воян уснул подле Райны, склонив голову на ее колена...»

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	20
Глава пятая	23
Глава шестая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Вельтман

Райна, королева Болгарская

Глава первая

Примечания с пометкой *А. Б.* – комментарии А. П. Богданова.

Перенесемся за тысячу верст, за тысячу лет.

Вы слышали о *великом Преславе*, стольном граде Дунайской Болгарии, где знаменовались подвиги нашего удалого богатыря, добросанного князя Святослава? Где ж этот белый град великого царства? Какие холмы венчались его твердынями? Никто не знает, кроме султана, который в фирмане своем именует владыку шумлинского преславским.

Славный и страшный для Греческой империи двадцатый болгарский король Симеон,¹ не возлюбив первой жены своей, женился на названной сестре одного греческого деспота, из Армян, по имени Георгия Сурсувула. По общей наклонности каждого Грека к филархии,² Георгий нашел случай очаровать Симеона красотой сестры, и таким образом, по праву зятя королевского и по обычаю времени, воссел у самого подножия престола, в звании великого комиса, или, по-нашему, великого конюшего, и вместе с этим дядьки и кормильца наследников царства. Хоть краль Симеон имел уже наследника Вояна; но мачеха не родная мать; пасынок должен был уступить свое место у сердца отца кровным ее детям. Вояна воспитывали в монастыре, и по наклонности его к чтению церковных и мирских книг, по страсти к наукам, искусствам и художествам и ко всему не свойственному чести королевского детища, решили посвятить его келейной жизни и постричь в монахи. Но Воян бежал; все пришли в ужас, потому что он унес с собою какую-то заклую черную книгу. Книга эта с незапамятных времен заперта была в одной из башен, и никто не смел до нее коснуться. По этому или по другому случаю, только в народе пронеслись слухи, что Воян продал душу бесу, и не быть добру. В самом деле, вскоре королю Симеону приключилась смерть чудным образом.

Однажды Роман Лекапен, василевс Восточного Римского Царства,³ возвратившись с облавы на азиатской стороне Босфора, покоился от трудов во дворце Феофилии, построенном по образцу дворца халифов багдадских, где стены горели золотом, где разливались прохлады от цветущих платанов и водометов. Вдруг великий логофет⁴ донес ему, что на Таврической площади совершилось великое чудо: статуя, представляющая Беллерофона на коне,⁵ превратилась в образ болгарского короля Симеона.

Роман содрогнулся. В это время Греция опасалась Болгар и воинственного духа Симеона. За четыре года перед тем он едва не взял Царьграда. А так как на мраморном подножии статуи была высечена таинственная надпись, заключающая в себе, по словам толкова-

¹ Симеон (864–927), князь, а с 919 г. царь Болгарии. С его правлением был связан период наибольшего могущества и культурного расцвета Первого Болгарского царства. Под предводительством Симеона болгары вели победоносные войны с Византией, которая вынуждена была уступить часть Фракии, Македонии, территорию Албании и платила Болгарскому царству дань. – *А. Б.*

² Здесь: честолюбие, властолюбие. – *А. Б.*

³ Роман I Локапин – византийский император (920–944) из македонской династии (происходящей от армянских крестьян). Вел тяжелые войны с болгарским царем Симеоном, после смерти которого распространил свое влияние на Болгарию. Укрепил армию, сражался с русским князем Игорем (941 г.) и заключил в 944 г. мирный договор с Русью. – *А. Б.*

⁴ Высший придворный чин в Молдавском государстве XIV–XIX вв., глава государственной канцелярии и хранитель большой государственной печати. В Византии логофетами назывались главы центральных ведомств. – *А. Б.*

⁵ Беллерофон – герой греческой мифологии, совершавший свои подвиги на крылатом коне Пегасе, победивший злобное чудовище – Химеру. – *А. Б.*

телей, судьбу Царьграда и завоевание его *неким* великим героем, то очень естественно, что это событие возмутило весь Царьград, как предвещание падения Греческой империи, – тем более что известие о новом восстании Симеона на Грецию было причиной падения духа не только в народе, но и в войске. Император желал лично увериться в истине события. Возложив на себя багряницу и диадему, сделанную по образцу тахта царей персидских и подобную горе Эльборджу,⁶ блистающею алмазами и лаллами, с двумя истоками перлов, падающих на плеча, Роман воссел с помощью протостратора на коня и, сопровождаемый деспотами, севастократорами, панхиперсевастами, domestиками⁷ и телохранителями, выехал на Таврическую площадь, где теснился народ в страхе и унынии около статуи Беллерофона, превратившейся в короля Симеона.

Кто избавит меня от этого проклятого Симеона? – вскричал Роман, взглянув на статую.

– Я! – отвечал, выступая из безмолвной толпы, безобразный человек в странной одежде.

– Кто ты? – спросил Роман.

– А вот кто: видите это изображение под стопами коня? Это я.

В самом деле, неизвестный был совершенное подобие химеры в человеческом виде, изображенной под стопами Беллерофона.

– Читайте надпись, – продолжал неизвестный, – в ней сказано: «Всадник придет покорить Царьград; но до этого не допустит человек, изображенный под стопами всадника». Дайте мне меч, я снесу голову Симеона с чужих плеч.

– Ты безумный, – сказал один из вельмож Романа, – мраморной шеи не перерубишь!

– Если не снесу эту мраморную голову и она не сгорит на огне, раскладывайте костер, сожгите меня, – отвечал неизвестный.

– Исполните его желание! – сказал Роман и, поворотив коня, медленно поехал ко дворцу.

– Вот тебе острый меч, – сказал один из телохранителей царских.

– Не сдержишь слова, сождем! – крикнула толпа.

– Раскладывай огонь! – сказал неизвестный и, взяв меч из рук воина, вскочил сперва на мраморное подножие статуи, потом на круп коня, схватился за шишак⁸ всадника, взмахнул мечом, и голова Симеона отделилась от туловища Беллерофона.

– Видели? – вскричал неизвестный, показывая голову изумленному народу.

Соскочив с коня и с подножия, он бросил голову на пылавший костер. Ее обхватило пламенем, огонь затрещал, искры посыпались водометом.

Испуганный народ разметался во все стороны.

– Видели? – раздалось снова в толпе, обданной густым дымом.

Дым пронесло ветром.

– Где же он? – спрашивали с ужасом все друг у друга, смотря то на истлевший костер, то на обезглавленного Беллерофона, то озираясь кругом и не видя нигде чудного человека.

Это событие, исторически верное, излечило народ от панического страха при одном имени Симеона; и если бы Симеон перешагнул уже городские стены, то все спокойно были бы уверены, что Царьград непобедим. Но страннее всего было то, что Симеон умер в тот день и час, в который превратившемся в его образ Беллерофону снесли голову.

По смерти Симеона вступил на болгарский престол сын его Петр. При нем Болгарию стали одолевать беды. Турки, Хорваты и Сербы, узнав о смерти грозного Симеона, поднялись на нее войною; тучи саранчи с еврейскими таинственными *писаньями* на крыльях носились

⁶ Эльбрусу. – А. Б.

⁷ Перечислены чины византийского двора. – А. Б.

⁸ Шлем. – А. Б.

над полями и опустошали нивы. Брат Петра, Иоанн, по тайным внушениям, стал питать зависть и строить ковы; Петр постриг его в монахи, заключив в темницу; но он бежал. В монашестве Михаиле, третьем сыне Симеона, загорелась также жажда к власти, и он, сбросив рясу, явился в голове недовольных.

Во всех этих бедах комис Георгий, с старшим своим сыном Самуилом, так искусно умели проявить себя в глазах Петра и народа хранителями царства, что без них, судя по громкой молве, погибнуть бы Болгарии. Страшные неурожаи вынудили Петра обратиться к помощи Греции и искать дружественных отношений. Отправленный послом клевет комиса Георгия Сурсувула, уроженец Херсониса, Георгий калокир, из собственной филархии, вопреки выгодам друга своего, подал благой совет василевсу Роману запустить, как говорится, лапу в Болгарию посредством родства с Петром. Роман для такого благого дела не пожалел внуки своей Марии, дочери кесаря Христофора. Калокир возвратился в Преслав с патрицием Никитой, торжественно объявил об успехе своего посольства и тайно возмутил душу Петру неописанной красотой кесаревны, сообщив ему образ ее как живой, писанный на *деке* и облеченный в наряд царственный, шитый золотом и осыпанный драгоценными камнями. Очарованный Петр принял предложение василевса приехать в Царьград, тогда как комис Георгий готовил для него невест на выбор. От комиса скрыто было намерение короля, и потому он не противился поездке его в Царьград. Сочетание Петра и Марии совершенно было в присутствии всего сигклита в церкви «Святой Богородицы при кладязе», и Роман повелел устроить славное и пребогатое угощение. Комис был поражен как громом, узнав об этом событии. Влияние его на Петра кончилось с прибытием Марии в Преслав.

От Марии Петр имел двух сыновей: Бориса и Романа – и дочь Райну, мирским именем Бериславу. Марией держался мир Болгарии с Грецией. Сыновья ее воспитывались в Царьграде при дворце отца, и все отношения были дружественны и выгоды обоюдны. Но едва умерла Мария, влияние хитрого комиса на ум Петра возникло с новою силою. Комис приобретал всеми средствами общую любовь; это был коварный народоласкатель; потворствуя страстям, он уловил всех вельмож и бояр, которые имели голос и вес. Все доброе шло от него, все злое от Петра; вся гроза от короля, вся милость от комиса. По образцу эллинской и римской премудрости, его окружали «люди шопотники, на языке службу носящий». Старшему и любимому своему сыну Самуилу передал он власть военачальника; прочие его сыновья: Давыд, Моисей и Аарон – творили волю отца в областях.

Боясь присутствия при короле взрослых уже и образованных сыновей его Бориса и Романа, комис умел устроить так, что при вступлении на престол константинопольский Никифора они остались заложниками условий возобновленного мира. Едва мир был утвержден, как он уже изыскивал средства нарушить его. По условию, Болгары обязаны были не пропускать Торков, или Угров паннонийских, через Дунай и свои земли, делать набеги на греческие области; но Угры свободно проходили на разбой. Никифор напоминал об условиях; наконец стал грозить:

– Вот, краль Петр, – сказал комис, – до чего мы дожили! нам велят стоять на страже по границам греческим; да беречь их!

– Кто велит? – спросил горделиво Петр, которого самолюбие легко затрогивалось.

– Кир Никифор велит; что ж делать, придется выгнать весь народ на Дунай, на сторожу, чтоб не пробралась где шайка Угров да не прошла в Грецию и не ограбила какую-нибудь деревню: за всякую собаку, которая перебежит через нашу землю и укусит Грека, мы обязаны отвечать киру Никифору...

– Я? Буду ему отвечать? – вскричал Петр.

– Будешь, если обязался.

– Старик Георгий, на голову твою выпал снег и, верно, кровь остыла в жилах!

– Нет, не остыла; если б моя воля, давно бы очистил я Загорье от Греков, не стал бы с ними ни родниться, ни брататься; знаю я их: дождь по капле падает, да хуже моря топит.

– В первый раз говоришь ты мне такие речи, – сказал Петр.

– Нрав твой склонен к миру, и воля твоя клонилась к миру; а воле твоей королевской противиться я не мог.

– Союз с Греками служил нам в пользу.

– Да, уладили они нам путь к гибели. По воле своей ты сроднился с кесарями; по воле покойной королевы дети твои в Царьграде...

– Так что ж? – перервал сердито Петр.

– Ничего еще, они жили у родных; при Романе им было хорошо; а при правителе стратиге⁹ Никифоре и наследникам Романовым стало плохо. Да не о том дело: стратигот Никифор теперь муж Феофании, вдовствующей василиссы, правит царством¹⁰ и требует от нас покорности воле своей...

– Этого никогда не будет! – вскричал Петр.

– Вижу теперь сына Симеонова: на угрозы отвечает грозою! – сказал хитрый комис и, пользуясь необдуманным гневом Петра, немедленно отправил посла греческого с отказом наотрез: «Болгария не область греческая, стережет свои границы, а чужих стеречь не будет».

– Эти варвары глупы, не знают собственных выгод, с ними дружбы не сведешь, – сказал Никифор известному уже нам калокиру, который по соглашению с комисом служил при дворе цареградском, употреблялся при сношениях с Болгарией и двоил душу как слуга императора и друг комиса.

– О, деспотос, – сказал он Никифору, – вместе с ответом Петра на твои требования пришли и ко мне вести из Болгарии: недобрые вести. Благо мое в твоих руках, и я не изменю пользам твоим.

– Говори мне эти вести, – сказал Никифор.

– Я истинно знаю, – продолжал калокир, – что король Петр заключил дружбу с Аварами Паннонийскими¹¹ и с Сербам, чтоб внезапно напасть на Грецию. Думаю, что это делается по чьему-нибудь внушению...

– Ты смутил душу мою, – сказал Никифор, задумавшись. – Подозрения твои справедливы, у меня есть враги... Ну, пусть перейдет Петр горы, я выйду к нему навстречу; а вместо знамен сариссофоры¹² понесут перед моими полками на копьях Бориса и Романа! Пусть посмотрит он, как хламиды их будут развеиваться в воздухе!

– О, деспотос! – сказал калокир, усмехаясь. – Этого-то и добивается дядя короля Петра и мой друг. Кому же наследовать престол, как не ему или не его сыну, когда королевский род прекратится.

– Для меня все демоны равны; а во всяком случае надо покуда оградить границы от Болгар не хартиями, а оружием. Теперь все силы мои в Азии, нанять некого, Фаранги¹³ служат у пап да в войске императора Западного.

⁹ Стратиготами в Византии назывались крестьяне, за владение неотчуждаемым земельным наделом обязанные военной службой. В X в. из них формировалась тяжелая, закованная в латы кавалерия катафрактот. Зажиточные крестьяне, свободные от всех государственных налогов, кроме поземельного, дали империи немало видных государственных деятелей. – А. Б.

¹⁰ Никифор II Фока – византийский император (963–969), из знатного малоазиатского рода, проводил политику, отражающую интересы стратигот. Военная реформа Фоки признала катафрактот основной силой армии, с которой император вел победоносные войны с арабами. В 966 г. Никифор начал войну с Болгарией, которую, судя по византийским хронистам, люто ненавидел. Убит в результате заговора Иоанна Цимисхия у себя во дворце. – А. Б.

¹¹ Аварийский каганат с центром в Паннонии был окончательно разгромлен в VIII в., а сами авары (древнерусские обры) растворились в массе других племен; отсюда пословица «Повести временных лет»: «погибоша, аки обры». Здесь Вельтман имеет в виду угров – венгров. – А. Б.

¹² Копьеносцы, тяжеловооруженные пехотинцы, составлявшие фалангу (от «сариссы» – длинного копья). – А. Б.

¹³ Здесь: франки, служившие наемниками. – А. Б.

– А Руссы? с Руссами предстоит тебе союз славный. Дозволь мне ехать в Русь, отвезти дары к великому жупану Киовии и вызвать его воевать Булгарию.

– Сан патриция, если исполнишь это удачно и мне по сердцу; земли в Херсонисе Таврическом во владение.

Калокир поцеловал полу порфиры¹⁴ Никифора и вскоре отправился в Русь.

А между тем в Преславе комис строил новые ковы. Старший сын его, Самуил, страстно был влюблен в королеву Райну. Он как будто угадал желание отца своего, который давно обдумывал этот союз, как надежное звено для своих замыслов.

После смерти королевы Марии по его избранию приставлена была к Райне в мамы старая Тулла. Посредством ее думал он действовать на душу королевы и поджечь юное сердце, в котором не загоралась еще заря любви.

Когда комис назначил приступить решительнее к делу, Тулла, как морская черепаха, поднялась на задние лапы, вытулила из костей сухощавую голову, вытаращила глаза и, вооружась костылем, стала ухаживать за Райной, обаять ее всеми таинственными наговорами любви и распалать воображение девушки, чтоб заманить ее голубиную душу в сети и сдать с рук на руки Самуилу. Она ворожила и гадала ей про суженого, описывала Самуила с головы до ног.

– Черновлас, велеок, полнома очима, чернома зеницама, взнесенома бровма, луконос, смагл, надрумян, телом на четверти, коротоший, посмедающь усом, доброрек, борз и храбр... Вот каков твой суженой, королева.

– Какой нелепой, точно как Самуил, – отвечала со смехом Райна.

– Дитя, дитя! что выходит на долю твою, то сбудется; смотри, если не сбудется, от предреченья не уйдешь. Теперь кажется тебе, что не нравится, а как само сердце загадает, душа запросит любви, и будет тебе сниться все он да он.

– Кто он?

– Суженой, что вышел на долю твою.

– Луконосый Армянин? – произнесла Райна с презрением.

Старуха видела, что без чар не обойдешься. Велось некогда доброе поверье: «будет у тебя голубиное сердце, будешь любим всеми». Заветный смысл этого поверья исчез посреди невежества и обмана; потому что легче было вынуть сердце из голубя и велеть носить его за пазухой, нежели научить, что, уподобляясь нежностью и добротою души белому голубю, можно приобрести взаимную любовь. И вот умному поверью дали толк безумный, на зло истине и на гибель белым голубям.

Тулла добыла голубя и голубку, вынула из них сердца, нашептала что-то над ними, высушила в печи, зашила в ладонку и велела Самуилу надеть на себя.

Доверчиво исполнил он наставления старухи; для него было все равно, чем бы ни приобрести согласие Райны отвечать на его любовь: взаимным ли сочувствием любви или соблазном и чарами старух.

¹⁴ Багряница, пурпурная царская одежда. — А. Б.

Глава вторая

Посреди общего расстройств дел дух короля Петра также был расстроен.

По смерти королевы Марии он сложил все заботы на комиса, который издавна приучил его тяготиться ими и любить только блеск и свои преимущества. Торжественность празднований, охота, травля и ловля были главными его занятиями, а все остальное время – негой отдохновения. Ничто не доходило до слуха его иначе как через уста комиса. Однажды что-то разбудило его; он очнулся и видит перед собой старца, совершенное подобие отца своего.

– Петр, Петр, – произнесло видение, – вверился ты в комиса, погубит он и тебя, и детей твоих, и царство твое; пришел я предупредить тебя...

Петр вскрикнул от ужаса.

Видение скрылось. Наяву было это или во сне; но он не мог уже сомкнуть глаз до утра и встал мрачен и задумчив. Воспитанный в суеверии дядькой и кормильцем своим, он верил в предвещения: явление и слова отца совершенно возмутили его душу; комис вдруг стал ему страшен, и он думал, как бы удалить его от себя.

Петр никогда не любил комиса; но уважение к воспитателю своему и убеждение в его верности и преданности, привычка зависеть от его советов сделали комиса правой рукой Петра, которую страшно было отнять от плеча.

Когда комис вошел, Петр содрогнулся.

– Ты что-то не в добром духе, король, – сказал он ему.

– Да, задумался о детях... они живут при Никифоре как заложники мира, а мы нарушаем мир.

– Не бойся, король, мы их выручим из рук Никифора, – отвечал комис, – он не смеет ничего сделать королевским твоим детям, или мы снесем весь Царьград в море!

– Послушай, Георгий... – произнес Петр нерешительно.

– Что повелишь, государь?

– Проси у меня милости... я готов для тебя все сделать... вознаградить твою верную службу.

– Государь, отец твой и ты осыпали меня своими милостями, – отвечал комис, – какой же милости остается мне желать?... Я возвеличен уже до родства с царской кровью, ношу имя твоего дяди, хотя покойная королева, мать твоя, и не была родной мне сестрою, но если воля твоя...

– Проси, проси! – сказал Петр.

– Как к родному лежало мое сердце к тебе... и если оно чувствовало, что предстоит мне высокая почесть...

– Какая же? – спросил Петр, скрывая гнев и догадку свою. – Говори, я воздам тебе почесть...

– Дозволь мне умолчать теперь, король, – сказал комис, целуя руку Петра, – милости твои неизглаголаннны, и если ты изречешь и эту милость, то старость моя не перенесет счастья...

– Догадываюсь я, – сказал Петр с притворным спокойствием, – да знаешь ли ты, Георгий, сердце моей дочери?

– О, если позволишь сказать тебе истину: знаю, – отвечал комис, радостно целуя руку Петра, – с малолетства отличила она сына моего Самуила милостями своими.

– И я знаю сердце своей дочери и говорю за нее, что за моего раба она не пойдет замуж, – произнес горделиво Петр.

Комис побледнел.

– Скажи же свату, – продолжал Петр грозно, указывая на дверь, – чтоб он съезжал со двора!.. Когда я возвращусь, чтоб его ноги здесь не было!..

Глаза комиса запылали зверским мщением; он вышел; а взволнованный Петр, казалось, сам испугался гнева своего и последствий и немедленно поехал в Малый Преслав, где был красный дворец королевский и зверинец.

Прошел день, другой, король Петр не возвращается. Райну, привыкшую видеть отца ежедневно, начинает беспокоить его отсутствие. Вдруг на третий день рано утром раздался соборный звон.

– Неда, Неда! – вскричала Райна к подруге своей. – Слышишь? Что это значит? Звон набатный!

– Ах, не сбор ли на войну против Греков! – отвечала Неда.

– Что ты это говоришь, Неда! братья в Цареграде.

– Так слышала я, королева, давеча побоялась я спросить при Тулле, зачем это вооружается дружина королевская и строится на дворе.

– Это недаром, – проговорила печально Райна, – а отца нет!.. Не дядя ли Иокица сделал опять набег?

– Королева, Иокица, говорят, давно умер.

– Умер! все говорят, что умер; а комис Георгий говорит, что не умер, что его и мертвого надо бояться.

– Против шайки *тати* и *гусаров* будут ли собор собирать?

– Что ж это такое, Неда? – спросила опять Райна.

– Ой, война, война, кровавая постеля! – проговорила печально Неда.

– Ой, Неда, Неда,
Не хладный камень —
Сердце опало! —

проговорила Райна со вздохом слова одной песни.

– Чу, по всем монастырям звонят... точно как плачевный звон по покойной королеве.

– Ой, Неда, Неда,
Не из-под камня
Бьет ключ горячий! —

продолжала Райна; и на очах ее копились слезы.

– Ни отца, ни братьев со мной! и головы приклонить не к кому!.. Майя моя! были мне радости, покуда ты была жива, а умерла, горький мне плач и огненные слезы!

– Чу, бубны и трубы! Шум какой! – вскричала Неда. – Пойдем на вышку, призови Туллу! да узнай, не приехал ли король!

Неда выбежала; а Райна боязливо смотрела в окно, из которого видны были сквозь деревья только скалы над монастырем и виноградники маторские.

Красота юной Райны уже славилась в народе. «Добросанна, добра и благородна королева наша, – говорили все, кто видел ее, – красен и чуден ее образ, ясны очи, черны зеницы, румяный лик приосенен долгою владью; нет ей двойнички на белом свете!»

– Да, верно, недобрая весть пришла! – кричала Тулла, входя в горницу королевны.

– Какая же весть? скажи, Тулла! О боже, пронеси мимо нас печали!.. Что ж ты молчишь, Тулла?

– Не знаю, не знаю сама, что такое! – отвечала старуха. – Да чему ж худому быть? Ведь над нами бог.

– Отчего ж измерла душа моя!.. Пойдемте на вышку. И Райна, схватив старуху за руку, повлекла ее за собой.

Они прошли сени и переходы, вышли на стену и потом взобрались на башню летнего дворца королевского, возвышавшегося на одном из холмов посреди сада.

С вышки открылся весь Преслав. Он лежал в ущелье хребта, отделявшегося от Гема; с юга и севера его ограждали скалистые крутизны, а со стороны восточной каменная стена, за которою взор блуждал по цветущей, роскошной природе, по горам, одетым лесом, по скатам, устланным бархатными цветными коврами лугов, по мрачным ущельям, по холмам и скалам.

Вышеград, или главный королевский двор, венчал зубчатой оградой холм, над ручьем, извивающимся от «святого кладезя» в горах, с западной стороны города. На луговой стороне были палаты митрополичьи, при соборном храме Святого Георгия; вокруг стен гостинный двор с лавками Греков и Армян. Дома жителей были разбросаны по скатам между виноградниками и по холмам посреди фруктовых садов.

Соборный храм Святого Георгия был одинакового зодчества со всеми храмами, которые мы привыкли называть храмами греческой архитектуры, но которые свойственнее называть зодчеством восточной Церкви; оно существовало в Галин еще при Меровингах.¹⁵ Это было четверугольное здание с мрачными сводами на четырех столпах, с главой и кровлей, крытой медными и вызолоченными листами. Внутренние стены покрыты были священной живописью, мозаикой, позолотой и резьбой; перед алтарем иконостас. Вокруг храма крытая паперть, украшенная также рядами изображений святых Старого и Нового завета, ликами патриархов, пророков и великомучеников. С восточной стороны паперти была крытая площадка, выдающаяся на площадь; здесь у стен было место королевское, и отсюда повешали народу решения собора.

Весна только что водворилась посреди очаровательной природы, которая, как щедрая, богатая мать, устилала детскую колыбель шелковыми узорчатыми тканями и дышала так благотворно, убирая вязями цветов майское дерево к наступающему семейному празднику. На яблонях, черешнях и абрикосах распустились опалы; капли росы то искрились, как алмаз, то, подернувшись инеем, осыпали листья мелким перловым бисером. Тут все богатство было живое, вся роскошь одушевленная, весь блеск искусственный; тут была не безобразная пустыня, куда изгнанник и отшельник от бытия райского сносили камни и металлы с кладбищ природы и посреди труда, уныния души и вечного недостатка в жизни становились живыми мертвецами.

– Неда, Неда, – вскричала Райна с смущенным чувством, когда перед ней открылся весь Преслав, – посмотри, народ стекается со всех сторон, звон по всем монастырям!.. Дружина выступает со двора на площадь!..

– Да, да, – сказала Тулла, всматриваясь, – это комитопул¹⁶ Самуил ведет ее.

– Ах, Неда, Неда, мне что-то страшно! – проговорила Райна.

– Чего же нам страшиться! – сказала Тулла очень спокойно. – Под защитой сына комиса Георгия нам нечего страшиться, королева: дерзый, храбрый юнак, сам стрелец!.. Посмотри-ка, душица моя, кажется, это под ним выступает гордо конь?.. Да под кем же и гордиться коню, как не под ним... Посмотри-ка, ведь это он солнцем блестит: шитая золотом *гунь*¹⁷ сверх брони, шлем, кованный из золота, челенка¹⁸ серебряная, меч в руке... Что, он?

– Ах, не говори мне об нем, Тулла! – сердито отвечала Райна.

¹⁵ Первая королевская династия во Франкском королевстве (457–751). – А. Б.

¹⁶ Сын комиса. — А. Б.

¹⁷ Телогрея, кожаная. – А. Б.

¹⁸ Чельник – головной наряд; челка – боевой значок, хоругвь. – А. Б.

– Не говори! я не тебе и говорю... я сама себе говорю, что краше и храбрее его нет во всем царстве... Я старуха, да люблюсь, глядя на него... а девице не диво и заглядеться.

– Тулла!.. – вскричала невольно Райна.

– Господица ты, да еще не госпожа моя, что так изволишь окликать! – произнесла старуха, озлобясь. – Не в послушницы к тебе я приставлена!

– Оставь меня! – сказала Райна, отходя от старухи.

– Не знаю, кого слушать, тебя ли, кралицу незрелую, или короля, родителя твоего; он приказал мне тебя, его и слушаю; родной матери нет, так какая есть!..

– Раба! Король, отец мой, не дал тебе материнской власти надо мною!

– Напрасно величаешь меня Болгарыней, я не Болгарыня, не подвластная! я все-таки не ослушаюсь приказа королевского. Да, впрочем, бог его знает, где теперь король; комису поручил он власть и двор свой, – пойду к нему, скажу, что ты изволишь изгонять меня!.. Не ждать же суда королевского... дождешься его или нет!

– Горькая Армянка! – вскричала Райна, взглянув с ужасом на озлобленную старуху.

Глава третья

Кому неизвестен русский великий князь Святослав, отец того Владимира, которому Волжские Болгары Бохмичи предлагали семьдесят гурий на том свете, с тем чтоб на этом свете «свинины не ясти, вина не пити», и который отвечал им: «Руси есть веселие пити, не может без того быти!»¹⁹

Святослав был последний представитель быта владетельного рода Руссов – поколения древних земных богов²⁰.

Воспитанный в обычаях и древнем веровании деда и отца, Святослав шел по стопам великих предков-воителей, жил на коне, спал на седле, не под шатром, а под богом, острая сабля под боком; «тако ж и прочий вой его бяху вси»²¹.

Ус его был злат, как у Перуна, борода бритая – для воина, которому вечно должно быть молоду, борода бы изменила. Так велось исстари и в царстве индейском, где также раджи не носили бороды и свято исполняли закон, которым воспрещено было каждому *раджану*, воину, употреблять против неприятеля бесчестное оружие, как, например, палку, заключающую в себе остроконечный клинок, зубчатые стрелы, стрелы, напитанные ядом, и стрелы огнемётные. Раджаны не нападали ни на спящего, ни на безоружного, ни на удрученного скорбью, ни на раненого, ни на труса, ни на беглеца.

Таков был и Святослав, «тако ж и прочий вой его бяху вси». Терпеть не могли немецкого оружия, клинков, а любили полосы²². Сызмала Святослав рос богатырем, сызмала не любил просто ходить, а любил ездить, хоть на палочке, да верхом скакал он по палатам и за малейшую несправедливость объявлял войну и сражался то с мамой, то с няней, то с кормильцем своим Свенальдом.

Будучи еще *детском*, лет десяти, он подал знак к сражению, как говорит летопись, и «суну копьём на Деревляны». Хоть копьё недалеко улетело: «лете сквозь уши конев и удари в ногу конев; бе бо детск». Но князь почал, а дружина кончила дело победой²³. В 964 году Ольга передала державу сыну своему. Это был год его возмужания. По обычаю, бояре, старшины всех областей и народ собрались на вече. Дружина Святославова, во всеоружии, окружила посад. Старый жрец совершил богам молитву и возгласил, что следовало по обряду. Как водится, море народа, безмолвно внимавшее словам вещуна, вдруг заколебалось, загрохотало во здравие великому князю. Четыре могучих воина выступили вперед из рядов, взяли большой щит княжеский. Святослав воссел на щит, воины подняли его на плеча и понесли вокруг посада, сопровождаемые вельможами двора, при шумных кликах народа и ударов дружины мечами в кованые щиты. Совершив три раза круг, Святослава внесли на посад, препоясали мечом, облекли в багряницу и в весь «чин великокняжеский». Потом он извлек

¹⁹ «Повесть временных лет» (под 986 г.) приписывает эти слова великому князю Владимиру Святославичу. – А. Б.

²⁰ В работе «Индо-германы или Сайване» Вельтман производил слово «Руссы» от древнеиндийского «Раджи» – А. Б.

²¹ В летописи о воспитании Святослава сказано: «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах. Тако же и прочий вой его вси бяху» – А. Б.

²² Слово *полоса* Вельтман производил от древнеиндийского *палас* (полоса меча); здесь показывается, что руссы хранили традиции своих индоевропейских предков. Возможно, автор учитывал и сообщения римских авторов о преобладании у древних германцев (сайван, которых он считал славянами) длинных рубящих мечей над колющим оружием – А. Б.

²³ В походе на древлян 946 г., сообщает «Повесть временных лет», когда сошлись оба войска для схватки, «суну копьём Святослав на деревляны, и копьё лете сквозе уши конев, и удари в ногу конев, бе бо летеск. И рече Свенелд и Асмолд: «Князь уже почал; потягнете, дружина, по князе». И победили древлян. Начало боя полководцем, бросающим в сторону противника копьё или стрелу, – индоевропейский обычай, по древнейшим источникам известный на Руси, у литовцев, скандинавов и других народов – А. Б.

меч из ножен, а все боярство и дружина его сложили щиты, обнаженные мечи, обручи и все оружие на землю. Потом изрек он со всем боярством своим и дружиною верную клятву, клялся оружием и Перуном ходить по вере и закону, хранить любовь правую ко всем «иже суть под рукою его, светлого князя, необлазно и непреложно, покуда солнце сияет и весь мир стоит, и быть щитом и оградой русским людям, и, да сохраним, *аз и иже со мною и подо мною, да имеем клятву от бога, и в него же веруем, да будем золоты яко золото, и своим оружием да изсечены будем*»²⁴.

По окончании обета поднесли Святославу заздравную чашу *браги*, певцы загрели здоровье, он поклонился на все четыре стороны, выпил и, хваля и славя бога, сел «на столе дедни и отни».

Только что наступила весна, Святослав начал собирать рать. Полки Словен, Чуди, Кривичей, Мери, Древлян, Радимичей, Полян, Север, Хорват, Дулебов и Тиверцев, под общим именем Руси, сошлись на берегах Днепра²⁵. С ними решил Святослав положить конец хазарскому владычеству. Прежде всего покорил он Вятичей, подвластных Хазарам. Их старейшины – *тиуны* и жрецы – *веданы* встречали по берегам Оки и Волги победителя с хлебом и солью. Святослав принимал от них дары и клятвы в кирметах, а Хазарам, правителям и обладателям их, говорил: «Вы досыта пили и яли, а ныне идите уже прочь!» – и велел им идти к своему кагану, чтоб выставлял на всех градах хазарских знамя войны – «*бо хоцю на вы ити*». На другое лето Святослав сдержал свое слово. По летописям восточным, в 358 году Эгиры, то есть в 968 году, пришел он по Волге на пятистах судах, покорил города Болгар, Хазеран, Итиль и Семендер, изгнал отсюда и Хазар – правителей и их ученых – Халдеев, и с этого времени об Хазарах ни слуху ни духу²⁶.

Святослав, как «войник», не мог пробыть без ратного дела, особенно в то время года, когда благие духи, а за ними вслед священная египетская птица аист, и птицы певчие тысячегласные, и ласточки благовестные, и скворанцы прилетают из райских стран погостить в скифские земли, одушевить собою красное лето посреди пустынь, оживить человека и научить его петь песни.

Возвращаясь из походов к началу руиной осени и сотворив требу богам с людьми своими и пир на весь мир, Святослав, как легкий пард, *тружася лова деять*²⁷, и таким образом время его проходило на зною и на зиме, на войне и на ловле, ночь и день, не ведая покоя, не блюдя живота, не щадя головы.

Рано женила Ольга прекрасного и воинственного сына своего, желая смирить в нем «дёрзый» нрав. От своей княгини имел он двух сыновей, Ярополка и Олега, но когда порасцвело сердце Святослава, он полюбил хорошенькую Милянку, ключницу и ларечницу Ольги. Она была дочь боярина Малоша, из Любеча, что на Днепре, близ Чернигова. Брат ее Добрень, или Добрыня Малкович, рос вместе с Святославом и был им любим за силу и удалство. От Ольги не скрылось, что сын ее преступает заповеди, в гневе своем сослала она Милянку в село Будотино на покаянье.

²⁴ Вельтман перефразирует клятву русичей из договоров Руси с греками 912 и 945 гг., приведенных в «Повести временных лет». Помещенное выше описание вокняжения Святослава – художественная реконструкция: в источниках это событие не отразилось – А. Б.

²⁵ *Славянские племена*, вошедшие в состав Древнерусского государства, перечислены по «Повести временных лет» – А. Б.

²⁶ В описании восточного похода Святослава Вельтман опирается на краткое сообщение «Повести временных лет» и «Книгу путей и государств» арабского автора второй половины X в. Ибн-Хаукаля (см. перевод: Калинина Т. М. Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времен Святослава. – В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1975. М., 1976). – А. Б.

²⁷ Цитата из «Поучения Владимира Мономаха». О Малуше и ее брате Добрыне рассказывается в «Повести временных лет». – А. Б.

Святослав не любил своей княгини, Святослав полюбил Милянугу так, из дружбы к ее брату; Святослав не знал страсти, он знал еще только любовь к удалству, и его душа порывалась на бой. Испеченная на углях *конина* или *верина* посреди ратного поля нравились ему более лакомого обеда, который готовил Торчин, старейшина поваров княжеских. Ему люб было только отдых на поле побед, когда, стоя *на костях неприятельских под черным знаменем*, по совершении тризны по убитым, прилегал он на седло и смотрел, как воины его радостно делили богатую добычу, коней и оружие неприятельское.

После рушения хазарской власти Святослав собрал снова великую рать, чтоб идти за Волгу, но послы от заволжских племен явились с покорностью, и Святослав не знал, где искать ему врагов: со всех сторон приходили к нему с дарами и предложениями дружбы и мира. С запада от германского императора, с юга от греческого василевса; с севером он был в родстве и в ладу.

Что было делать воинственной душе Святослава посреди всеобщего мира? Святослав не любил пировать и столовать, как впоследствии пировал сын его, по обычаям заморским. Его столы были не браные, яства не сахарные, питья не медвяные. Не любил он и сидеть на золотом стуле, на рытом бархате, на червчатой камке, суды рассуживать, ряды разряживать, грозно костью махать. Не было у него ни себе, ни людям неги и роскоши, жило все по старине и обычаю. Ни сам он, ни бояре теремов высоких не строили, красных девиц не неволили. Идет князь – большой за меньшего не прячется; на суде – умный дураком не ограждается, виноватый на правого вины не складывает²⁸.

Вокруг него нет невольников, все охотники; нет жен зазорных ни в Предславине, ни в Вышгороде, ни в Белгороде, ни в Берестовом²⁹. Не метали при нем старцы и бояре жеребья на отроков и девиц, чтобы резать их в жертву богам, не осквернялась еще *кровью земля русская и холм* той³⁰, где стоял двор теремный, да не стоял еще идол. Все эти заморские обычаи выведены были сыном его из заморья.

Что было делать Святославу: в мире мир наступил; а разбоем идти на чужие земли он не хотел, по обычаю моряков северных, и охота ему надоела. Он уже думал распустить собранную рать.

В это-то время, на счастье или на беду его, прибыл в Киев посол от греческого кира Никифора, известный уже нам Георгий калокир ⁴¹.

Подъезжая к городу и увидя шатры великой рати по берегам Днепра и людей на Днепре, посол спросил, что это значит, кого воевать собирается русский князь? «А идем воевать Греков, брать с них золото да менять старые полотняные паруса на паволочитые!» – отвечали ему.

Калокир, поверив, торопился предстать перед великого князя, умиловить и уластить его дарами. Когда доложили Святославу о прибытии греческого посла, он велел, по обычаю, созвать старцев градских, бояр и *нарочитых людей*.³¹ Калокир явился посреди сонма со всем запасом даров, низко поклонился трижды князю, положил перед ним *злато и паволоки* и приветствовал от имени Никифора как от данника, приславшего оклады на грады русские, на Киев, Чернигов, Переяславль, Полтеск, Ростов, Любеч и на все прочие грады, где сидят великие князи, подвластные Святославу³². Объявил, что царь Никифор здравия

²⁸ Перефразируются былины из «Сборника Кириши Данилова» с описанием «стола» Владимира Красное Солнышко, прообразом которого Вельтман считал великого князя Владимира Святославича. – А. Б.

²⁹ Намек на летописное сообщение о «блудодеяниях» сына Святослава Владимира. – А. Б.

³⁰ «Поставление кумиров на холме за теремным двором» «Повесть временных лет» приписывает Владимиру Святославичу. При нем, по летописи, «осквернилась кровью земля Русская и холм тот»; отроков и девиц для жертвоприношений выбирали по жребию (см. рассказы под 980 и 983 гг.). – А. Б.

³¹ Знатных людей. — А. Б.

³² Дань с Византии установил Олег. В год 907-и, сказано в летописи, русские пришли к Константинополю и разбили

желает брату своему, великому князю русскому, и что для дружной Руси все врата Греции отперты, и, ежели приедет Русь с куплею, да покупает сколько душе угодно паволок, и не запретит царь словом своим всем приходящим из Руси, и дает брашно, и якори, и ужи, и парусы сколько потребно; а гости получают месячину на полгода, и хлебы, и вины, и мясо, и рыбу и различные овощи³³.

Потом поднес он Святославу драгоценный меч и просил да обнажит его на непокорных и насилующих Грецию Болгар, да покорит их королевство, и держит его во власти своей, и, храня дружбу с царем, да поделит с ним дани.

Лицо Святослава просияло, милостиво велел он идти послу в посольскую избу, ждать решения, и сказал старцам и боярам своим:

– Царь греческий шлет ко мне посла своего и дары многие. Не любы мне паволоки, золотники, и серебряники, и камень драгое, и хламиды багряные, и вины, и овощи много-различные, а люб мне этот меч.

– Добро и честь великая тебе, княже, – отвечали старцы и бояре, – повелишь угостить послов и гостей всяким брашном и медом – угостим; повелишь отдарить скорою, воском и челядью – отдарим. С Греками любо нам мир держать, от них нам дары, злато, серебро и паволоки.

– Болгары, данники греков, крамолы ведут на Царь-град, – продолжал Святослав, – насильникам Уграм путь кажут через горы. Царь греческий зовет нас воевать землю болгарскую и держать во власти своей³⁴.

– О, богата земля болгарская, княже, – сказал сторожевой воевода дружины великокняжеской Претич. – В годину войны с Греками был я там с отцом твоим светлым князем Игорем. Там земля садом, цветом и дубравами украшена, горами опоясана. Велики в той земле горы под облаками, так велики, что солнце катится по вершинам. Хороши и города. В Загорье железняк, там рождается железо, и куют там мечи и сабли с золотой насечкой и копья и стрелы калят. А скаты гор усеяны розовым цветом, из него же чинят благовонный елей. Багр и синету³⁵ красят там на диво. А свежая овощь, красная всякая ягода – вертоград земной!.. В дубнице кони верховые. В то время Греки дары вынесли нам, а Болгары дани не хотели давать, и послал меня отец твой, княже, с наемными Печенегами воевать землю³⁶. Тут-то собрали мы добычу оружием богатым, борзыми конями, шелковыми уздечками с бахромой да с золотыми бляхами. А Печенеги – волки в стаде! Придет в дом – напьется, насытит утробу, а потом требует с хозяина платы за то, что ломал зубы свои об его хлеб.

– И поделом ходящим в нечистотах! Та же Бохмитова вражья сила! – сказал великий жрец.

– Нет, отец, они кресту поклоняются, и народ добрый, храбрый, говорят людским языком, не то что наши наймицы Варяги. Увидишь сам, господине мой, княже, там тебе бы краситься и славиться.

греков. «И приказал Олег дать воинам своим на 2000 кораблей по 12 гривен за уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полотска, для Ростова, для Любеча и для прочих городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу». – А. Б.

³³ Пересказ договора Руси с греками, помещенного в «Повести временных лет». – А. Б.

³⁴ Болгарское царство было «данником» греков лишь в мечтах византийских дипломатов. Проход угров к границам империи через Болгарию в качестве причины посылки калокира на Русь указывает византийский хронист XI в. Скилица: Никифор Фока «направил болгарскому царю Петру письмо, чтобы тот не разрешал туркам (уграм, т. е. венграм. – А. Б.) переправляться через Истр (Дунай) и причинять вред ромеям. Поскольку Петр не обратил внимания на эту просьбу и всячески обманывал греков, Никифор...» – далее следует история миссии калокира. – А. Б.

³⁵ Багряные и синие ткани. – А. Б.

³⁶ Под 944 г. «Повесть временных лет» сообщает, что, разгневавшись на предупреждение болгарами византийцев о русском походе, Игорь «повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и ткани на всех воинов, возвратился назад к Киеву». – А. Б.

– Дело решенное! – сказал Святослав. – Отпустить посла с честью и дарами. Рать готова, корабли снаряжены, пусть скажет царю, что иду.

– Так богу угодно, – сказал жрец великий, – да возвеличится в тебе, княже, сила сильных и слава славных!

Калокир был отпущен по слову князя; а вскоре Святослав, оставив воеводу Претича охранять Киев³⁷, простался с матерью и с детьми, сел на свой великокняжеский корабль с шелковыми снастями, с парусами паволочитыми. У корабля великокняжеского, как у птицы, вместо очей были яхонты, вместо бровей черные соболи, вместо клюва два ножа булатные, крылья паволочитые, чертог муравленный, на чертоге беседа слоновий клык, подернута рытым бархатом.

Стали уже поднимать якоря, как вдруг прискакали от печенежского князя Куря гонцы. На лихих конях примчались они к берегу, соскочили, сбросили епанчи и предстали перед князем в шелковых с закидными рукавами бешметах, перепоясанных кушаками, в желтых четверугольных шапках с бобровыми околышами и с красными кистями; в сапогах с высокими каблуками; за плечами лук и колчаны; за поясом ножи. Без особых приветствий сказали они, что приехали от своего князя Куря; а узнав Куря, что белый царь поднимается на войну, и сам идет с своей ордой служить по найму у белого царя³⁸.

– Скажите своему князю, что у меня много своего войска, наемного мне не нужно, – отвечал Святослав.

– Не ладно! – сказал один, тряхнув головой и взглянув на прочих. – Даром мы вымеряли поле!

– Найми, белый царь, эй, найми! – сказал другой. – Мы лишними не будем, а чужого добра и с тебя и с нас станет. Мы на десятую долю пойдем.

– Не нужно, – отвечали им.

– Воля ваша, а мы все-таки пойдем следом за вами, крохи подбирать, а случай будет, может, и понадобится.

– Не велит светлый князь, – отвечали им.

– Что ж не велит, ведь мы не с вами будем делиться, а с черной птицей! уж запретите и ей летать за собой! – отвечали они сердито.

– Хоть в проводники возьмите сотню, – сказал один, мигнув своим товарищам и прибавив тихо по-своему: – Пусть возьмут сотню, в сотне будет место и целой орде.

– Не нужно, – отвечали им.

– Не нужно так не нужно, мы не навязываемся, пожалеете после, – отвечали Печенеги, накидывая епанчи и сядя на коней.

За великокняжеским крытым кораблем выгребали из пристани насады попарно, при звуках рогов и песен.

Старая княгиня Ольга провожала сына со слезами. Ей было более осьмидесяти лет. Народ стоял толпами по берегу и по горам. «Дай вам, боже, путь-дорогу и доброе здравье!» – раздавалось повсюду.

Воины совершили молитву, поцеловали родную землю, обняли родных и милых и вступили в насады.

³⁷ Претич упоминается в летописи под 968 г. Когда Святослав был в Болгарии, Киев осаждало бесчисленное множество печенегов. Собрав войско, Претич рассчитывал переправиться через Днепр и спасти из города «княгиню и княжичей». Воодушевив дружину словами: «Если не сделаем этого, погубит нас Святослав», воевода смело двинулся через реку. «Печенегам же показалось, что пришел сам князь и побежали от города врассыпную». – А. Б.

³⁸ Печенегов, по сообщению летописи, нанимал князь Игорь; «Повесть временных лет» подчеркивает, что в 986 г., в отсутствие Святослава, они впервые пришли войной на Русь. – А. Б.

Как дружная стая лебедей, потянулись насады вниз по Днепру. Запасные ладьи в середине, с хлебом и солью, с живой птицей и с клетками вестовых голубей. Кони пошли берегом. Громко заливалась обычная песня:

То не ясен сокол вылетал из гнезда,
То не белый орел вон выпархивал:
Выезжал князь великий из Киева,
Светлый князь Святослав из престольного³⁹.

³⁹ Изменив имя Владимир на Святослав, Вельтман использует отрывок из былины. – А. Б.

Глава четвертая

На площади Преславской, между королевским двором и владычным, стекался народ толпами; кнези сельские с *кметами* и *момцами*⁴⁰ мчались к раду⁴¹ преславскому, желая скорее узнать причину соборного звону. Игуменство из ближайших монастырей и старейшины из своих пригородков ехали также верхами к собору, сопровождаемые служками и приспешниками.

Посреди говора, шуму и побрякивания оружием раздавались взаимные вопросы и догадки о причине сбора. Но причина известна была только великому комису да одному старцу гусяру, который ходил между народом по площади и, водя смычком по гусле, напевал печально:

Ой, горе, горе, великая тужба!

Не стало орла, не стало Петра;

А Орловичи-Петровичи у грачей в полону!

Кто вслушается в слово гусяра, идет за ним: что он за песню такую напевает? Гусяр не останавливается, а толпа за ним, больше и больше.

— Что ты поешь, гусяр? — спрашивают его, а он, как глухой, продолжает песню, не обращая ни на кого внимания:

Ой, горе, горе, великая тужба!

Чем ту тужбу сбыть,

Куда схоронить!

В это время из королевского двора выехал великий комис, а за ним дружина королевская, под предводительством сына его, Самуила, во всем наряде, в золотом панцире на полукафтанье зеленом с золотыми источниками; сверх всего малиновый бархатный плащ, на голове шлем нарядный. Серый конь его в яблоках, согнул шею крутым кольцом и кланялся, побрякивая браной уздечкой с кистями и подвесками.

Ой, филин, филин, ночная птица!

Запел гусяр, идя вслед за поездом комиса.

Комис вступил в собор; Самуил с дружиной стал у крыльца, народ тесно обступил ограды собора, а темные слухи о смерти Петра переносились уже из уст в уста.

— Слышите, король умер!

— Как умер? Где умер?

А гусяр напевал:

Ой, подскочил к нему льстивый враг

Поразил в широкие перси тяжкий млат!

Зашемул, застонал жалобой темный лес:

«Ой, вышиб он ему душу-душеньку,

Вылетала она чрез гортань, вылетала

Из гортани, красными устами отходила!

⁴⁰ Здесь: сельские старосты с десятниками и подручными (Вельтман использовал современные ему значения слов; в X в. фраза означала бы князей с воинами и оруженосцами). — А. Б.

⁴¹ К соборной площади. — А. Б.

Ой, хлынула волной его теплая кровь;
За подружкой-душкой струею течет!»
Ой, враны-гавраны поднялися с гнезд,
На белое тело сели, кричат:
«Ой, погубил орла хитрый, лстивый враг
Не хоронит никто орла-короля.
Похороним его в утробе своей!»

– Ой, убили короля Петра! – громко пронеслось по народу.
– Кто мутит? – вскричал комитопул, подскакав к толпе. Дружина двинулась за ним в толпу.

– Кто мутит? подавайте его! – крикнул снова Самуил грозным голосом, но бледный и смущенный.

Народ, отступая от коней, смолк, озирается кругом, ищет гусяря; а гусяря нет нигде.

Мгновенная тишина изумления была прервана выходом владыки, комиса, бояр и старейшин на крыльцо. Общее внимание обратилось на них; но в это самое время послышался звук трубы с сторожевой башни, и на вершине ее захлопал красный стяг. Воины, бояре и народ содрогнулись от неожиданной вести, и посереде всеобщего онемения гонец от русского князя Святослава явился перед собором с красным значком на копье.

– От русского великого и светлого князя Святослава! – сказал он, подъезжая к крыльцу.

– С какой вестью? – спросил дрожащим голосом комис.

– Русской князь велел сказать королю царства Болгарского, его боярам и всем людям его, что идет он полком на вас, стройтесь противу!

Ой, горе, горе, тужба великая,
Не стало орла, короля Петра,
Не стало людей в царстве его! —

раздалось в толпе.

– Что скажешь ты еще от своего русского князя? – спросил смущенный и бледный комис.

– Ничего, – отвечал гонец.

– Так скажи своему князю, – продолжал комис, – что за двадцать шесть лет храбрые Болгары лозою изгнали из своей земли насильников Русь и Печенегов: то же будет и теперь⁴²:

– Гой, любо! – вскричал народ. – Лозой изгоним!

Лицо комиса просветлело.

– Одарите и угостите гонца, пусть едет сытый! – сказал он.

– Государским жалованьем всего у меня много, ничем не скуден, сыт и своим хлебом, чужого не нужно, а готовьтесь угощать гостей нашего князя с дружиной! – отвечал гонец горделиво. Конь его взнесся на дыбы, перекинулся, и народ отхлынул от лихого всадника, который, гарцуя по площади, наконец скрылся за городской стеной.

– Братья! – возгласил комис к народу. – Честный собор, преосвященный владыко и все духовные строители церковные, князи и властители царства Болгарского! В плачевные

⁴² То есть в 941 г., когда согласно «Повести временных лет» набег Игоря на Константинополь был отбит греками. Но ни в «Повести», ни в Новгородской I летописи (использовавшей более древний, чем «Повесть», источник), ни в «Хронике Георгия Амартола», ни в «Краткой Палее», ни, наконец, в обширнейшем рассказе «Жития Василия Нового» нет известий об участии в походе печенегов и столкновениях русичей с болгарами. Вельтман домислил этот эпизод, исходя из того, что первый мир Руси с печенегами был заключен уже в 915 г., а болгары могли преследовать проходящих мимо них воинов Игоревых. – А. Б.

ризы облечься бы нам по блаженном светлом короле Петре, погибшем от руки брата своего Иована, изгнанного из царства за смуты... да злое время злую игру сыграло; не в плачевные ризы облечемся, а в ратные. След бы нам в Византию идти да звать на престол королевича Бориса, да он в залоге и в неволе у греческого царя; греческий царь не равного себе хочет на престоле болгарском, а слугу себе, данника безмолвного... Честный собор, король Петр заложил детей, да не заложил воли нашей!..

– Воли своей никому не дадим! – произнес один боярин.

– Не дадим, не дадим! – повторила толпа.

– Выбирайте же правителя себе и военачальника, покуда бог дела устроит, – произнес комис, поклонясь владыке и окинув смиренным взором всех.

– Избранного богом да изберем, – произнес владыко.

– Да здравствует король Георгий! – крикнули приверженцы комиса.

Владыко побледнел, его слова не поняли и воспользовались ими.

В войске и в народе повторилось имя комиса; но это был не громовой голос всего народа, вызванный любовью и желанием общим: это был голос подобострастия некоторых и привычка носить оковы комиса.

Посереде необдуманного возглашения раздавались и порывистые крики:

– Короля Бориса! пойдем за ним с огнем и мечом на Греков.

– Благодарю владыку, бояр и всех людей, – произнес комис, возвыся голос, – кланяюсь за честь великую, возданную мне за службу царю и царству, но этой чести не принимаю я...

Все умолкли, притворное великодушие комиса поразило всех.

– Не принимаю, – повторил он, – теперь ущитим Болгарию от врагов, свободим нашу Загорию от Греков!

Комис знал дух народа; несколькими словами он увлек его и вызвал общее довольствие и согласие громкими восклицаниями. Никто не почувствовал, как накинуд он на всех свои бразды и направил волю честного собора на путь своих желаний.

– Соединимся же миром и любовью, будем готовиться на брань с Русью и Греками. Идите, вооружайтесь, братья! станем за себя!

Народ громогласно повторил: «Станем за себя!» – и, повинувшись властному голосу, стал расходиться; но тихо, как будто шел в неволю.

Ой, дали Филину над собою волю,
Заведет вас филин в темну ночь!

пел явившийся снова гуслиар. Приостановятся, прислушаются к песне: что поет гуслиар? – а на душе грустно, что-то не так.

Глава пятая

Между тем сердце Райны предчувствовало ожидавшее горе. Оскудела в ней душа, взалкала крепости и не обретала; слезы катились потоком, тушили зарю. Нет ей утешения от любящих; гонит от нее старая Тулла подруг ее Неду и Велику и сама утешает ее ласками холодными, словами бездушными.

Вдруг пожаловал в ее горницу неожиданный гость, комис.

– О чем она плачет? ты сказала ей? – спросил он по-армянски Туллу.

– Нет, нет, и не думала, – отвечала Тулла.

Райна вздрогнула, увидя комиса: в первый раз посторонний осмелился войти к ней.

– Кто дозволил тебе вход в мои горницы, комис? – спросила она, вспыхнув.

– Отец твой, королева, – отвечал комис тихо.

– Король, отец мой? где ж он сам? – проговорила беспокойно Райна.

– О чем плакала ты, королева? – продолжал комис, не отвечая на вопрос Райны. – Недобрый сон видела или какие-нибудь предчувствия?

– О боже мой!.. Что ты на меня так смотришь? – вскричала Райна с каким-то невольным ужасом, взглянув на комиса, который устремил на нее черный глаз, возмущающий душу.

– Участие, королева, – продолжал комис, – горе искупается слезами...

Взор Райны блуждал; она, казалось, искала выхода, чтоб бежать от этих страшных глаз и речей, не предвещающих добра.

– Я и сам плачу! – прибавил комис, отирая сухие глаза свои, и не продолжал более.

Как кровожадный ворон смотрел он Райне в глаза и каркал про беду. Все чувства ее онемели.

– Тулла, – произнес он шепотом, удаляясь, – успокой королеву!

Старуха призвала на помощь себе Неду и Велику и повторила им приказание комиса. Обе они сами плакали, стараясь привести Райну в чувство. Когда Райна вздохнула, они торопливо отерли слезы свои.

Райна стала приходить в себя, взглянула на них; сначала в этом взоре проявилась живость, на устах улыбка; но вдруг Райна схватила за голову и, как будто припомнив что-то, содрогнулась и побледнела.

– Неда, – произнесла она, – приходил комис... говорил что-то... я ничего не помню... голова кружится... призовите его.

– Призову, – отвечала Тулла, бросив строгий взор на Неду и Велику.

Неда и Велика стояли подле Райны молча и с трудом воздерживались от слез.

– Что вы такие скучные? – спросила Райна. – Неда, и у тебя как будто заплаканы глаза!

Неда припала к плечу королевы и, целуя его, чтоб скрыть выступившие на глаза слезы, отвечала:

– Ничего, королева.

– Неда, мне никто еще не сказал, для чего был собор в отсутствии отца моего?... Да где же он сам?..

– Говорят, что Русь идет на нас войною, – отвечала Неда.

– Да где ж король? – спросила она опять сквозь слезы. – Верно, какое-нибудь несчастье!

От меня скрывают, да говори же, Неда!

– Что ж говорить, королева, – отвечала Неда, – я не знаю...

– Комиса нет в городе, комис куда-то уехал, – сказала Тулла, входя в горницу.

– Уехал! не навстречу ли королю? пойдемте на вышку, отец мой должен же возвратиться, я хочу встретить его... он еще будет далеко, а я буду уже радоваться его возвращению...

Сопровождаемая мамой и своими подругами, Райна вошла в башню, села на скамью и безмолвно смотрела вдаль. Едва что-нибудь покажется на дороге, обоз или верховые, она вскрикнет: «Неда, это, кажется, король!» – и с нетерпением ждет приближения. Но все мечты ожидания разрушаются.

– Нет, не он! – говорит она со вздохом и шлет узнать, не возвратился ли комис.

Несколько дней прошли для Райны в тоскливых и тщетных ожиданиях. Она истомилась, изнемогла; на третий день Тулла сказала, что идет комис.

Райна бросилась к дверям.

– Где король? – спросила она и с новым трепетом и отвращением отступила от комиса.

– Он приказал... – произнес комис медленно и остановился... – Сядем, королева... Он приказал сказать тебе, чтоб ты порадовала его душу и исполнила волю его...

– Какую волю? Говори скорее!

– Святую волю короля и отца, – произнес комис протяжно, как будто наслаждаясь истязанием чувств Райны.

– Какую же волю?

– Конечную его волю!

Райна вскрикнула; Тулла подскочила к ней и поддержала ей голову, опавшую как цветок на сломленном стебле. Глаза без слез, уста без рыданий; но каждая жилка трепетала в Райне. А комис с притворным чувством горести томил ее рассказами о смерти его.

– Несчастное событие! – говорил он. – Король, возвращаясь из зверинца, заболел и не мог продолжать пути, прислал за мной; я нашел его при последнем издыхании... В это-то время напал на нас злодей Иован... Бог спас меня как будто для того, чтоб передать тебе конечную волю отца.

Безмолвная на все бездушные утешения старухи, Райна, казалось, наконец вслушалась в них; сбросила с головы драгоценную повязку, сорвала кованой золотой пояс, сдернула с плеч саян, тканый из пурпура и золота, бросила кольца и поручни и залилась горькими слезами.

– Где комис?... Говори мне последнюю волю отца, я ее исполню и умру, – произнесла она.

– Успокойся сперва, королева, – отвечал комис.

– Теперь, теперь же, говори! я хочу знать!

– Мой король поручил мне заменить тебе отца, – начал комис.

– Заменить отца? так же, как она заменяет мне мать, – сказала Райна, показывая на старуху.

– Отеческими попечениями о тебе я заслужу твою дочернюю любовь.

– Не трудись же: я принадлежу теперь одному богу, он мой отец; а обитель моя у гроба матери.

– Нет, королева, – сказал комис, – последняя воля твоего родителя изрекла союз твой с сыном моим Самуилом.

– Этого не будет! – вскричала Райна дрожащим голосом.

– Передаю тебе слова отца, его волю.

– Веди меня на могилу отца, я умолю его: «Родитель мой, отец мой! не отдавай меня людям, отдай богу!» Он смиляется.

– Кто знает, где могила его! – сказал комис.

– Не возмути неповиновением души родительской, – сказала Тулла, – будет она носиться над могилой и изнывать в жалобах на тебя, и изноет, и не свидеться тебе с отцом и матерью на том свете!

Райна зарыдала. Комис посмотрел на нее с улыбкою довольствия, потрепал старую Туллу по плечу и вышел.

– Ох, королева, королева, – начала Тулла, когда истошились слезы Райны, – сердилась ты на меня; а не я ли правду тебе говорила: не избежать того, что сулила судьба! Видела я сама, что сердце твое не знает еще иной любви, кроме дочерней, да не навек родители. Бог указал любить после них суженого, а уж кто суженый, как не тот, кого указала воля родительская, а воля родительская идет от божьей воли.

– Я не противлюсь родительской воле, – отвечала Райна, – а исполню ли ее – бог ведает! душа моя не лежит к Самуилу. Божьей ли и родительской воле насиловать душу мою!.. Она не обвенчается с Самуилом, в храме вылетит из тела: пусть берет он за себя бездушный труп!

– Кто ж будет изневоливает тебя, королева! А сказать правду, и меня отдали замуж не по сердцу... плакала я, плакала, а после самой слюбилось.

Тулла торопилась утешить, уластить Райну, в которой от избытка горя измирили все чувства; именем отца требовали, чтоб она, не отлагая времени, принесла себя на жертву.

– Дайте мне время хоть выплакать слезы мои на могиле матери, помолиться за упокой души родителей! – отвечала она на все утешения и слова Туллы. Ей дозволили выход к заутрене в храм монастырский, где погребена была королева Мария. Туда сопровождали ее Тулла и Неда. В плачевной одежде стояла она заутреню на коленях перед гробом матери. Здесь только обильно текли ее слезы и облегчали душу.

Никого из прихожан не было в первый день во время мольбы ее в церкви. Но на другое утро пробрался туда один блаженный – бледный, с длинными волосами, распадающимися на плечи, в черной кошулье,⁴³ препоясанный веревкою тоболоц⁴⁴ пастырский за плечами и с костылем в руках.

Уважение к этому роду людей было в старину так велико что им никто не осмеливался затворить двери храма.

Припав на колена и сотворив молитву, старец посмотрел на Райну и отер слезу; посмотрел на ее мамку Туллу и нахмурился. Потом подошел к Неде, встал за нею и начал молиться почти вслух:

– Господи, владыко, Царь небесный! Грешник молит тебя, не остави его посещением своим, да исхитить присущую агницу из челюстей волчьих!

Неда, стоявшая задумчиво и не заметившая появления блаженного, с испугом оглянулась.

– Молись, девушка, молись, не оглядывайся, – продолжал он. – Знаю я, о чем ты молишься: ты любишь королеву, и я ее люблю – бог нам в помощь!.. Господи, владыко, Царь небесный, да будут разум мой и рука моя орудиями благодати твоей! Молись, девушка, молись, не оглядывайся!.. Есть в палатах царских слуги царские, печалующиеся о царе и роде его. Господи, помоги их печалованию! Есть между ними избранный, аки Петр, ключарь царствия небесного... Перемолви с ним, девушка, перемолви... Помолимся господу сил, да кто правосудства и премудрого промысла дело добре смысла мнит – будет, убо, будет восстание; правдив бог, и терпящим его мзодатец будет!..

Неда вслушивалась в слова блаженного, и он казался ей явлением свыше. Возвратись с Райной во двор, она пересказала ей чудо и все, что слышала. Слова блаженного проливали в душу сирой Райны какое-то утешение и надежды; но она задумалась и сказала:

– Тебе это чудилось!

– Нет, не чудилось! – отвечала Неда. – Я как теперь слышу: между царскими слугами есть избранный, аки Петр, ключарь царствия небесного... Перемолви с ним. Эти слова намекают на Обреня; я еще больше уверилась, когда он встретился нам на крыльце.

– Обрень, добрый старик, любил родителя, да чем он поможет мне? – отвечала Райна.

⁴³ Сермяге, нищенской одежде. – А. Б.

⁴⁴ Сума, мешок. – А. Б.

– А бог ведает, – сказала Неда. – Покуда нет Туллы, я выйду на крыльцо.

Неда выбежала в сени и увидела, что ключарь Обрень сидит под навесом крыльца на лавке, задумавшись. Боязливо вышла Неда на крыльцо и поклонилась ему.

– Здравствуй, Неда, – сказал он, – что скажешь доброго?

– Какие тучи ходят по небу, – проговорила Неда, не зная, что сказать.

– Тучи мимо идут, как и печали наши... Что королева?... ты, думаю, знаешь, что в палатах царских есть верные слуги царские, которые печалуются о царе и роде его?..

Боязнь Неды исчезла.

– Обрень, Обрень, – сказала она, – наша королева теперь сирота! Она умрет! ее принуждают идти замуж за сына комиса!..

– Принуждают! – произнес старик гневно.

– Комис говорит, что это конечная воля короля; она не воспротивится воле отцовской и умрет!

– Злодеи! Ложь и обман! – проговорил Обрень. – Бог только слышал конечную волю короля; не убийцам, посланным от комиса, говорил он ее.

Неда содрогнулась.

– Да, Неда! но королева после все узнает; а теперь одно ей спасение: бежать из этого царского двора, обратившегося в вертеп разбойников и предателей! Пусть королева молится богу и положится на верных рабов божиих и царских. Ступай, покуда чье-нибудь коварное ухо не подслушало, чей-нибудь предательский глаз не проник в нашу думу.

Обрень отошел от Неды, Неда побежала в горницу королевны.

– О, верю, верю! Они, злодеи, они убийцы отца моего! – вскричала Райна, выслушав рассказ Неды. – Боже, боже, что ж я теперь буду делать?

– Одно спасение, сказал мне Обрень: бежать, королева, бежим от злодеев!

– Нет, я не бегу! пусть убьют меня! – произнесла Райна решительно. В каком-то исступлении чувств лицо ее разгорелось, дыхание было тяжело, но светлый взор устремила она на кивот образов и пала перед ними на колени.

– Королева! – проговорила Неда.

– Оставь, Неда, – сказала она, – я хочу молиться. Неда смотрела на одушевившееся лицо Райны, и ей стало страшно.

В это время послышался стук клюки, Неда выбежала в другой покой, чтоб скрыть от старухи расстроенные свои чувства.

– Не отмолишься! – прошептала Тулла, входя. Райна встала.

– Опять поплакала?

– Нет, что-то веселее на душе, – отвечала Райна.

– Ну и слава богу, – проговорила старуха, посматривая с недоверчивостью, – не век плакать, что пользы изнурять себя слезами, на то ли дана нам молодость?

– Да, – отвечала Райна, – я на все решилась, что будет, то будет!

– Вот видишь, бог послал и решимость: на родительскую волю всегда достанет доброй воли.

Тулла не знала, как нарадоваться перемене, которая произошла в Райне. Она считала это успехом своих чарующих речей и убеждений и даже влиянием голубинового сердца.

«Простенькая! – подумала она. – И не тебя бы мы переделали по-своему!»

Пользуясь добрым духом Райны, она заговорила было о свидании с женихом, но Райна резко отвечала:

– Нет! в плачевной одежде он меня не увидит.

– На такой час и принарядиться в светлые одежды не грех, – лукаво заметила Тулла.

– Нет! – отвечала Райна. – До вечера я черница.

Глава шестая

Днепр лелеет насады Святослава; плывут они рядами, как лебеди, стая за стаей, с крутыми шеями, с распахнутыми крыльями. Гребцы в лад, под звонкие песни, вспенивают воду. На каждой насаде по сорока пеших воинов; красные щиты стеной у борта. Кони идут берегом, под знаменами своих городов, щиты за левым плечом, копья у правого, колчаны и стрелы за спиной. Тут же идет и охота великокняжеская, ловчие с сворами гончих и борзых, сокольники с челегами⁴⁵ и соколами.

Там, где Днепр пробил каменные горы Половецкие, начинались кочевья ордынские. Мирно прошел Святослав между ними, выплыл на простор Русского моря. Мирно и Русское море лелеяло его корабли, близко уже был Дунай. Ветер попутный вздувал паруса, гребцы сложили весла, и насады, управляемые только кормчими, плавно шли в виду берегов. Сторожевая стая кораблей вступила уже в священное устье Дуная. Засмотревшись на отдаленные выси гор Болгарских и на холмы, покрытые яркою зеленью, никто не заметил, как завязалась на склоне ясного неба громовая туча невидимым узелком и вдруг накатилась клубом, разрослась в черную ночь, разразилась над кораблями Святослава, разметала их, часть прибила к берегу, посадила на мель, другую умчала в открытое море. Между тем сторожевой отряд кораблей прошел уже гирло, стал переправлять с левого берега Дуная на правый передовую конницу; под бурею кончил он свое дело и расположился на берегу Дуная, под горою, в ожидании главных сил. Не заботясь о предосторожностях, все думали только о том, чтоб надежнее укрыться от ливня и грозы.

Огнемир, воевода сторожевого отряда⁴⁶, благодарил богов, что они послали среди белого дня мрак ночи, который способствовал ему без битвы переправить конницу через Дунай и стать твердой ногой на земле неприятельской.

Но Болгары были уже готовы к встрече Руси; они видели переправу сторожевого отряда и выжидали удобной минуты, чтобы напасть на него внезапно.

Во время самого развала бури накрыли они его всеми своими силами. Кто успел взяться за меч, кого не обхватила целая толпа, тот защищался и пал со славой. Все прочие и даже сам воевода были перевязаны и приведены перед главаря рати болгарской, Самуила-комитопула. Само счастье, казалось, служило ему; но он, узнав, что корабли русские разбиты бурей, не воспользовался бедой их; довольный первым успехом, он возвратился в Преслав и был, торжественно встречен как спаситель царства от нашествия Руссов.

– Гай! Гай! поднимай на щит! – раздавалось в толпах народа, бегущего с возгласом радости за комитопулом, пленными и добычей.

– Гай, гай! – повторилось снова, и Самуила, как царя, возводимого на царство, подняли на щите и понесли к собору.

Лицо комиса рдело от радости.

Народу выкатили бочки вина и меду; народ блаженствовал и убил бы того, кто осмелился бы произнести посреди его радости: «Ой, горе, горе, великая тужба».

⁴⁵ Ловчими птицами. – А. Б.

⁴⁶ Огнемир, воевода сторожевого отряда, и первое поражение руссов нужны были Вельтману из художественных, композиционных соображений, так же как и обвинение Сурсувула в убийстве болгарского царя Петра. У Льва Дьякона об этих событиях рассказывается так: «Святослав, собрав ополчение, состоящее из шестидесяти тысяч храбрых воинов, кроме обозных отрядов, отправился против Мисян с Патрикием Калокиром. ...Мисяне, услышав, что он проходит уже мимо Истра и готовится сделать высадку на берег, выступили против него с тридцатью тысячами войска. Тавры быстро сошли с судов, простерли пред собою щиты, извлекли мечи и начали поражать их без всякой пощады. Они (болгары. – А. Б.) не выдержали первого сего нападения, обратились в бегство и к стыду своему заперлись в Дористоле (укрепленный город Мисян). Тогда, говорят, предводитель их Петр, человек благочестивый и почтенный, тронутый сим нечаянным бегством, получил параличный удар и вскоре преселился из сей жизни». – А. Б.

Празднество готовилось к другому дню; во всю ночь горели по улицам зажженные смоляные бочки.

Когда Райна узнала обо всем случившемся, душа ее обмерла, решительность и какое-то насильственное спокойствие, полное воли и замысла, вдруг исчезли; она сидела безмолвно, как будто углубясь в бездну ожидавших ее несчастий; по временам вздрагивала и бесчувственно обводила все окружающее ее потухшими взорами.

Тулла нахвалилась, наславилась геройством Самуила. Туллу стал уже клонить сон; несколько раз уже напоминала она Райне, что пора на покой; но Райна качала головой и тихо произносила: «Не хочу!»

Тулла долго крепилась в сердцах, но наконец задремала.

Неда сидела подле королевы, бледная; с беспокойством смотрела она на старуху, и, когда голова Туллы отяжелела и повисла, Неда тихо вышла вон. Еще тише возвратилась она, подошла к забывшейся от утомления Райне и взяла ее за руку. Райна вздрогнула.

– Ах, это ты, Неда? – произнесла она. – А мне показалось...

И Неда чувствовала трепет ее.

– Королева, – прошептала Неда, – нас ждут, все готово... пойдём!

– Что готово? – спросила Райна.

– Пойдем, королева! – повторила шепотом Неда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

В повести, как и в византийских источниках, калокиру уделено немалое место. Лев Дьякон рассказывает, что, отправившись было в Болгарию, император Никифор не решился начать войну и вернулся в Византию. «Почтив достоинством Патрикия отважного и пылкого Калокира, он послал его к Тавроскифам, называемым обыкновенно Россами, с тем, чтобы он, раздавши тысяча пятьсот фунтов врученного ему золота, привел их в землю Мисян (болгар. – А. Б.) для ее завоевания. Калокир поспешно отправился...» Далее Дьякон сообщает официальную версию Константинополя, появившуюся после того, как греки нарушили договор со Святославом: «Калокир, пришедши в Скифию, понравился начальнику Тавров, подкупил его дарами, очаровал лестными словами... и убедил итти против Мисян с великою ратию с тем условием, чтобы он, покоривши их, удержал их страну в собственной власти, а ему содействовал в завоевании Римского государства и получении престола». Тот же Лев Дьякон сообщает, что калокир пришел в Болгарию со Святославом, находился при дворе царя Бориса и в критические часы обороны болгарской столицы бежал к русскому князю (зная, видимо, что принесен в жертву вероломству императора). Его дальнейшая судьба неизвестна. А. Н. Сахаров считает, что тот же человек при новом императоре вернулся на дипломатическую службу (через 30 лет!) и возглавлял посольство Византии к германскому императору Оттону III. Но психологически кажется вероятнее, что именно этот калокир через несколько лет после описанных событий был посажен на кол за участие в мятеже Варда Фоки в Малой Азии, как о том сообщает Лев Дьякон. – А. Б.